

Наталья ДОБРЫНИНА,
профессор Московского государственного университета
культуры и искусства

ТАЙНА СЛОВ **(СЛОВО — ЗЕРКАЛО СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ)**

«Границы языка человека — это границы его мира», — пишет Наталья Евгеньевна Добрынина, наш постоянный автор. Каждый язык ежедневно вбирает в себя новые слова из рядом существующих языков: это касается и научной, и разговорной лексики. Язык всегда толерантен, и не надо бояться разумных нововведений. «А для успокоения ревнителers языковой чистоты хотелось бы предложить такую метафору: язык — это река, которая течет по своим законам, самоочищаясь и отбрасывая от главного русла к берегам всякую грязь, всякий мусор. Однако человек разумный должен сам убирать эту грязь, расчищая русло и помогая реке».

С детства меня завораживала тайна слов. Как это? Маленький «платочек» — родственник большому «полотенцу» и совсем уже непонятному по размеру «полотну». А «соперник»? Это — тот, кто делает «перья», «подушку»? Или тот, кто «спорит»?

В школе, на уроках языка и литературы наш гениальный, легендарный учитель Иван Иванович Зеленцов мастерски раскрывал перед классом корни привычных слов, и мы поражались, как много вобрал в себя русский язык — нерусского, инонационального. И не просто вобрал, а сделал для нас родными пришлые слова.

— Это наша история, — говорил Иван Иванович, — результат самых широких и многообразных связей с другими народами. Появилась какая-то новая вещь, новая реалья, и их надо было называть. Но иностранное имя этих вещей и явлений, попадая на нашу русскую почву, приобретало русские черты, укоренялось и зачастую так менялось, что его и узнать трудно было, каким оно первоначально к нам пришло.

Вот картошка, например, всем известная. Пришла к нам при Петре I. Вы знаете, конечно, про картофельные бунты на Руси. Слово возникло из немецкого, но к немцам попало из итальянского (tartulola). Значит, из Италии путешествовал этот продукт. А вообще-то родина картофеля — Южная Америка, где знали о нем еще 14 тыс. лет назад. Европой же картофель принят только в XVI в.

«Помидор» тоже проник в Россию из Италии, хотя многие считают, что из Франции. Но там этот плод, как и во многих других странах, называют томатом. Дословно по-итальянски это «romid-ogo» — яблоко из золота.

А вот «апельсин» («яблоко из Китая»), полюбившийся Европой тоже в XVI в., назван так голландцами или немцами.

Из Италии к нам пришло и слово «тарелка» вместе с этим предметом. По всей вероятно-

сти, это было при Владимире Мономахе.

В эпоху Ивана Грозного утвердилось слово «стул», возникшее из немецкого и пришедшее к нам через польский язык.

— А наш язык что другим народам дал? — допытывались мы у учителя.

— Ну, как же? — отвечал Иван Иванович. — Возникли в нашей истории, культуре, в быту новые явления, предметы (совет, большевик, например, или кукла матрешка), и эти слова ушли в мир, в другие языки.

Нас, школьников, интересовало, только ли из Европы к нам попадали новые слова вместе с вещами.

— Что вы! — удивился нашей наивности Иван Иванович. — Вас окружают тюркские слова: «утюг», «сундук», «кушак», «аркан». Ведь 300 лет мы жили бок о бок с татаро-монголами! А слово «кибитка», пришедшее тоже в этот период, возможно, связано с арабским, обозначающим «палатку». Всем знакомый «чемодан», скажем, появился из Персии.

Вдохновляя нас подобными беседами, Иван Иванович задавал классу сочинения по лексике. Помню, надо было написать, что мы думаем по поводу начинающегося со слов «Глубокоуважаемый вагонуважатый!» кусочка «Человека рассеянного» (С. Маршака).

Увлекательные уроки И.И. Зеленцова подвигли меня на поступление в МГУ, на филологический факультет. Изучение язы-

ков, восточных и западных, открывало многие страницы закодированных в словах межэтнических связей.

Профессор Н.К. Дмитриев, тюрколог с мировым именем, войдя однажды в аудиторию, поприветствовал нас, студентов, странным образом: «Здравствуйтесь, друзья по перевозке соли!»

В ответ на удивленные возгласы Николай Константинович разъяснил: «Слово «товарищ» происходит от чувашского «тавар», что значит «соль». В далекие-далекие времена возить соль на Русь было трудным и опасным делом. В одиночку — невозможным. Вот и сопровождали соляные обозы надежные люди — товарищи!»

Истории взаимодействия народов хранят самые разные пласты лексики, начиная с той, которая обозначает конкретные предметы, бытовые реалии, явления природы, и кончая абстракциями, выражающими высокие движения духовной жизни, поэтому лингвистические исследования этого взаимодействия могут быть многообразными.

Возьмем наудачу два слова из мира вещей. Всем известная «парча» толкуется в словарях как «материя с шелковой основой, затканная золотыми или серебряными нитями». Попала она на Русь, видимо, из Персии, где это слово означает «клочок», «кусочек», «обрезок». В этом же значении «парча» употребляется и в тюркских языках.

Любопытно происхождение другого восточного слова — «чалма». А.А. Бычков в своей книге «Энциклопедия языческих богов» (М., 2001) рассказывает, что в X в. болгарскому князю Алмазе Васильевичу Владавацу был преподнесен тюрбан, который стал называться «челма» — то, что надевается на чело (1. С. 346). Таким образом, это слово прошло обратный, по сравнению с «парча», путь — из славянского мира на Восток.

А теперь взглянем, как путешествуют разнонациональные слова в мире животных.

Русское слово «аист», пришедшее в наш язык, по свидетельству составителя этимологического словаря 1912 года А.Г. Преображенского, из нижне-немецкого, по-украински будет «лелека», по-турецки «leulek», по-узбекски «лайлак». «Бурундук» происходит от тюркского «бурун» («нос»), а в целом это значит «носатый».

Интересна история, связанная со словом «медведь». Имя этого зверя на Руси было запрещено произносить. Поэтому его называли «ведмедем» (позже — медведем, то есть ведающим,

знающим, где мед), «бурым», «косопалым». Но имя его — бер — осталось звучать в названии логовища — берлога. Корень этого слова — германский («beagan» — «бурый»). В литовском языке тоже есть похожее слово — «beras» («бурый»), в английском — «bear» («медведь»). Тот же корень в названиях городов — Берлин, Бернау, Берн.

Целое исследовательское направление связано с происхождением фамилий. Многие, звучащие совершенно по-русски, на самом деле таят в себе бесспорные связи между народами.

Вот, например, распространенная фамилия Балашов. Балаш — это Влас по-венгерски. Таким образом, русский вариант данной фамилии был бы Власов. Известная в русской истории фамилия Каракозов переводится с тюркских корней как Черноглазов. Тюркское же происхождение имеет фамилия Карташов (от «брат», «друг», «приятель»). Однако первый слог в этом слове — персидский, означающий «дело», «работу», второй слог — афикс совместности действия. Значит «Карташов» — это исходно «брат по общему делу».

Сложную межэтническую связь отражает распространенная в Армении фамилия Худавердян. «Худа» — «Бог» по-арабски; «вер» — турецкий и азербайджанский корень, означающий «дать, давать»; окончание фамилии — армянское. По-русски она будет звучать как Богданов.

А известная фамилия Джигарханян — персидско-армянская. «Джихар» — по-персидски «печень» и «дорогой, родной» в то же время (наверное, потому что печень — чрезвычайно важный человеческий орган, где, согласно верованиям некоторых народов, живет душа). «Хан» — властитель. Так что замечательному киноактеру А.Б. Джигарханяну самой судьбой предназначено быть властелином душ.

Трудно, а, может быть, просто невозможно с точностью подсчитать, какой процент иноэтнических слов входит в современный язык того или иного народа. В исследованиях 1960 — 1980-х гг. можно найти данные о том, что в языках народов бывшего СССР до 75% научно-технической лексики относится к интернационализмам, пришедшим из русского языка.

Мое микроисследование с узбекско-русским словарем пока-

зало, что более всего в современном узбекском языке слов на букву «т». Основную массу из них составляют арабские и персидские заимствования, а из русского языка бытуют, например, такие, как «табель, таблица, театр, телеграф, тревога, тренер, трест, трибунал». Интересно, что слово «тревога» употребляется здесь в смысле военного трибунала. В турецком языке это понятие взято из французского — «alarm», которое, в свою очередь, происходит из итальянского «all arme», что значит «к оружию».

Обращение к «Словарю русского языка» С.И. Ожегова свидетельствует о том, что первые пять мест по числу слов занимают буквы «с, п, о, в, к». Но первые четыре многословны в основном за счет приставок. «К» в этом отношении — буква «чистая», поэтому я решила посмотреть, насколько богата заимствованиями именно она.

Из «Этимологического словаря русского языка» А.Г. Преображенского я взяла слова, начинающиеся со слога «ка». Их оказалось в «Словаре» 146, из них 120 — иноязычного происхождения. Более всего в этом перечне — первоначально тюркских слов — 39; на втором месте — латинские слова — 17; третье и четвертое места поделили греческие и французские слова — по 15; на пятом месте оказались немецкие — 14. Остальные, единичные, слова пришли еще из семи языков: польского, литовского, итальянского, голландского, еврейского и персидского.

Если учесть общую романскую основу, то слова с этой основой вкуче — 36 — составят, судя по моему эксперименту, все же меньшее число, чем слова тюркского происхождения в русском языке. Это в какой-то мере подтверждает концепцию Н. Трубецкого о «туранском» элементе в русской культуре (см. его «Наследие Чингисхана», М., 1999).

Многие слова, что отражает и анализируемая группа, зародившись в какой-то определенной этнической среде, пришли в русский язык, побродя по разным странам.

Так, слово «карета» по происхождению латинское, как свидетельствует А.Г. Преображенский, но встречается в древнегерманском, кельтском, ирландском, датском, итальянском языках. А в России это слово появилось в XVII в. вместе с экипажем из Польши.

Удивительно происхождение слова «карта». Его родина, возможно, Египет. В русском языке «карта» известна тоже с XVII в., возникнув через польский из французского языка, но не исключено, что из немецкого или итальянского.

Словарь А.Г. Преображенского, конечно, — совершенно замечательный труд, но я не всегда могу согласиться с автором.

Например, в той же букве «к» подробно раскрывается этимология слова «колбаса». А.Г. Преображенский возводит его к древнееврейскому «kol — bassar» (всякого рода мясо), отмечает, что появилось оно в XIII в., но в каком из славянских языков раньше — неясно.

Мне кажется, более правы мои азербайджанские друзья, которые в беседе со мной утверждали, что русская «колбаса» произошла из тюркского «кол» и «бас» (корень глагола «давить»). Именно так, вручную, набивается колбаса.

Можно поспорить с А.Г. Преображенским и по поводу этимологии других русских слов. Скажем, он трактует слово «безалаберный» как производное от проникшего в народный язык латинского «elaborare» («усердно трудиться»). По-моему, больше оснований считать это слово тюркского происхождения (от «ал» — брать и «бер» — давать). Отсюда — «безалаберный» — тот, кто «не берет и не дает, нескладный». Но это — моя догадка.

Подчас иноязычное слово, попадая в другую этническую среду, меняет свое значение, бытует как бы с обратным значением.

Так, в восточных языках есть слово «баракалла». Я встречала его в узбекском и таджикском языках в живой речи. Это — восклицание одобрения — «молодец, здорово!» Думается, это слово перешло в русский язык, но с диаметрально противоположным смыслом — «барахло». Интересно, что в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (М., 1986—1987) это слово охарактеризовано как темное.

Широко известно, например, русское слово «шаромыжник» (жулик). Оно происходит от сочетания французских слов «cher ami» (милый друг) и бытует в России со времен Отечественной войны 1812 г. В период этой войны родилось слово «шваль», которое по-французски означает «лошадь» (совсем не обязательно дохлую, в каком значении это слово перешло в русский язык, расширив затем свое значение).

Известный современный лингвист В.В. Колесов, исследуя развитие русской речи, считает, что **каждое поколение вносит в язык до двух тысяч новых слов, существование которых не одинаково по протяженности во времени.** «Язык счищает с себя все лишнее, — подчеркивает ученый, — как только исчезает из жизни и быта со-

ответствующее явление» («Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра». — СПб., 1998. — С. 188).

Эта мысль развивается В.В. Колесовым при рассмотрении иностранных слов в русском языке по происхождению, употреблению и по значению.

В истории нашего языка В.В. Колесов выделяет несколько эпох, когда особенно активно входили в русскую лексику иностранные заимствования. Это — петровское время, начало XIX в., 1830—1870-е гг., послеоктябрьские годы. Можно продолжить эту цепочку: научно-техническая революция, освоение космоса, глобальная информатизация.

Путь укоренения новых слов всегда был не прост. И всегда пуристы — радетели за «национальную чистоту» родного языка — восставали против новшеств. Говоря о начале XIX в., В.В. Колесов коснулся болгаринской «Северной пчелы», которая «иронизировала» над «картофелем», клевером, люцерной и другими иностранными «произрастаниями», но ведь и «свекла», и «огурец», и «мята», и «капуста...» столь же заимствованные по происхождению слова, которые давно, иные уже с тысячу лет, являются также «русскими».

Пуристы активизируются чаще всего в переломные для своих стран эпохи. Вот и сегодня в России и государствах СНГ, ставших суверенными, ведутся лингвистические бои. Почти везде они идут на два фронта: за возвращение старого, языковой самобытности как основы национальной культуры, и за искоренение новояза, прежде всего иностранной лексики.

Бои затрагивают все четыре сферы жизни языка: бытовое общение, художественное творчество, науку, политику.

В сфере использования языка в быту на постсоветском пространстве проявляется стирание граней между языковыми субкультурами — например, к сожалению, блатная лексика вчерашней страны — ГУЛАГа используется представителями самых разных социальных групп.

Примечательно, что в эту отечественную лексику легко и повсеместно вошли английские ругательства. Они усвоены даже детьми, абсолютно не знающими английского языка. Такое состояние языка бытового общения свидетельствует о падении нравов. **Ведь границы языка человека — это границы его мира.**

Огромное значение в развитии языка имеет художественное творчество. Проза, поэзия, театральное искусство и кино — все

это источники сохранения и обогащения национальных языков. Одновременно и одинаково сильно воздействуя на ум и душу человека, плоды художественного творчества способны, как известно, играть не только положительную, но и отрицательную роль в духовном росте людей. **Широкое тиражирование низкопробных образцов масс-культуры, не знающей теперь границ на планете, в значительной мере тормозит и развитие национальных языков. И, естественно, подобное положение не может оставить равнодушными радетелей национальной культуры, национального морального кодекса. Среди этих радетелей трудно переоценить роль семьи, детского сада, школы, школьного библиотекаря.**

С каким интересом ребенок, которому дома или в саду читают вслух сказку, узнает вдруг, как путешествовало по миру слово «князь», откуда произошли слова «ведьма», «баба-яга», когда появился на Руси Дед Мороз и как он раньше назывался.

Учителям-словесникам — карты в руки при работе с текстами по родному языку и литературе. Осмысление ключевых слов в учебных текстах расширит кругозор школьников, разбудит их пытливость, увлечет раскрытием языковых тайн.

Прежде всего, полезно обращать внимание юных читателей на смысл заглавий книг. Так, например, очень популярны в подростковой среде произведения в жанре героической «фэнтези». В их числе — «Конан-варвар» и «Конан-победитель» Р. Говарда. Расшифровать, откуда пришло слово «варвар», и что таит в себе слово «победитель» — (по-беда — то, что приходит после беды) — это возможность активизировать любознательность, углубить читательский интерес.

Осознание глубочайшего смысла слов, фактов истории и заложенных в них многообразных связей между народами, быть может, убедит юного читателя в том, что в родном языке — не только ругательства и американизированный сленг, а очень много другого, по-настоящему увлекательного и прекрасного.

А для успокоения ревнителей языковой чистоты хотелось бы предложить такую метафору: язык — это река, которая течет по своим законам, самоочищаясь и отбрасывая от главного русла к берегам всякую грязь, всякий мусор. Однако человек разумный должен сам убирать эту грязь, расчищая русло и помогая реке.